

Фу Ицзэ прижался руками к стеклу, и даже сквозь двойное остекление было видно, как в его глазах блещут слёзы. От этого зрелища у Фу Куна в груди всё сжалось и защемило от невыносимой жалости. Разве сегодня, когда Фу Ицзэ стоял один у дороги и ждал его, всё было не так же само?

— Ты чего опять ревёшь, я же...

— Братик, поешь, — Фу Ицзэ с надеждой уставился на него, шмыгнул носом и потёр глаза рукой.

— Не поешь — зареву, — со смешком произнес Ся Фэй.

Фу Кун и так был голоден: если бы ему предложили, он бы не то что куриную ножку, целую курицу умял бы вместе с костями. А теперь, когда Фу Ицзэ так жалобно умолял его поесть, он в один миг выбросил из головы всю свою решимость быть настоящим мужчиной и, вцепившись в куриную ножку, впился в нее зубами.

Попью славы настоящего мужчины после того, как поем!

— Вкуснотища, у тёти Сюй просто золотые руки, — бормотал Фу Кун с набитым ртом, продолжая уплетать мясо.

— Ну чисто мужская манера трапезничать, — улыбнулся Ся Фэй, развернулся и ушел в комнату.

Наученный горьким опытом полудня, после окончания уроков Фу Кун схватил Сунь Вэя за руку, и они покатали велосипеды следом за колонной первоклашек, чуть ли не втискиваясь в их строй.

— Моя младшая сестра и то не так нервничает, — Сунь Вэй сидел на багажнике, отталкиваясь ногами от земли, и посмеивался над излишним напряжением Фу Куна.

— Да ты не понимаешь, — понизил голос Фу Кун. — Ицзэ теперь будет жить у нас, он мне родной младший брат. Мать и так на него вечно рукой машет, а тут всего два дня прошло: чуть что — сразу в слёзы, прямо как водопроводный кран. Если он решит, что мы от него отказались, он же наш дом живьём затопит!

— Посмотрим, на сколько тебя хватит, — Сунь Вэй презрительно скривил губы. Он-то знал, что Фу Кун терпением не отличается, да и характером горяч. Интересно, на сколько дней хватит этого запала — прямо как у разъяренной колхозной буренки, защищающей телёнка?

Матушка славилась тем, что её слово было законом: раз сказала, что сегодня ужина не будет, значит, не будет.

Фу Кун отделался одной куриной ножкой в обед да горстью сладостей, купленных по дороге из школы, так что в животе у него было пусто. Когда семья села ужинать, он сидел на корточках за дверью — словами не передать, как паршиво у него было на душе.

Батюшка даже вышел на порог с пиалой в руке и отчитывал его целых десять минут.

С выговорами-то было проще: к ним он давно привык, парой минут больше, парой меньше — неважно. Беда была в том, что от еды в батюшкиной пиале исходил такой умопомрачительный аромат, который так и норовил забраться к нему в нос, что Фу Куну пришлось несколько раз задерживать дыхание, чтобы выдержать это испытание.

Как только все закончили ужинать, он вернулся в комнату. Фу Ицзэ как раз шёл к выходу, прижимая руки к животу. Фу Кун опешил:

— Ты опять объелся?

— Угу, — Фу Ицзэ, продолжая держаться за живот, опустил голову и прошмыгнул мимо него.

— Только поешь — и сразу живот прихватывает, у тебя что, кишечник без извилин? — Фу Кун выскочил следом. Настоящий мужчина должен проводить брата до уборной. — Тебя проводить?

— Не надо, — Фу Ицзэ остановился и бросил на него взгляд через плечо. — Заходи обратно.

— Ладно, — Фу Кун повернул назад.

Но тут ему в голову закралось смутное сомнение: что-то в том, как Фу Ицзэ прижимал руки к животу, показалось подозрительным.

Опираясь на свой многолетний опыт проказника...

Он тихонько высунул голову за дверь и заметил, как Фу Ицзэ быстрым семенящим шагом направляется к туалету, но почему-то остановился у самого угла лестничной площадки.

Фу Кун мгновенно втянул голову обратно, а когда выглянул снова, Фу Ицзэ уже и след простыл.

Он бросился к уборной и крикнул внутрь:

— Ицзэ!

— Ай, — донеслось в ответ чьё-то недовольное ворчание. — Чего орать-то так громко? Я чуть в штаны не наложил.

Фу Кун увидел выходящего Чжан Цинкая:

— Опять ты?

— Ага, зашёл отметить после смены. Брата ищешь? — улыбнулся Чжан Цинкай. — Я его тут не видел.

Так и есть! Фу Кун бросился вниз по лестнице: он сразу понял, что в туалет Фу Ицзэ и не собирался.

Этот сорванец наверняка что-то прижимал к животу.

Выбежав на улицу, Фу Кун сразу заметил, как Фу Ицзэ, обхватив живот руками, сворачивает за угол дома.

Он бесшумно увязался за ним слева. Чего это удумал пацан?

За домом находился пустынный пустырь со строением из старых подсобных помещений. От старости они уже превратились в аварийные, и ими никто не пользовался. Летом там буйно разрасталась сорная трава, зимой торчала сухая солома, а во время таяния снега всё вокруг превращалось в месиво из грязи — туда не тянуло заглядывать даже таким любителям приключений, как Фу Кун.

Завернув за угол, Фу Ицзэ остановился, и Фу Кун тут же шмыгнул в укрытие за угол стены.

— Дюсю, — тихо позвал Фу Ицзэ, заглядывая в заросли сухой травы. — Дюсю, иди сюда.

Дюсю? Фу Кун опешил. Кто такой этот Дюсю?

После того как Фу Ицзэ повторил зов несколько раз, из сухой травы вылезла грязная желтоватая дворняжка и, виляя хвостом, подбежала к его ногам.

Собака?

Собака!

Фу Кун инстинктивно втянул голову в плечи. Настоящая собака!

Фу Кун боялся собак. Его уже кусали, и оба раза — та самая крупная черная собака, которую держали на парковке автобусного парка.

Он в толк не мог взять, за что она на него взъелась: стоило ей заметить Фу Куна, как она тут же срывалась в погоню, а убежать от неё он не мог — вот и получал укусы. Позже матушка научила: мол, если не побежишь, она и кусать не станет, а чем быстрее бежишь, тем сильнее вцепляется. С тех пор Фу Кун свято следовал заветам: когда пёс снова бросился за ним, он просто встал как вкопанный, в результате чего зверю даже преследовать его не пришлось — та просто подбежала и цапнула его прямо на месте...

С тех пор Фу Кун обходил собак десятой дорогой. Он не хотел снова ставить прививки: делать уколы дважды в год — это, по его мнению, наносило серьёзный удар по его росту и развитию, отчего зубы в тот год выросли какими-то лежащими.

Фу Ицзэ убрал руки с живота и вытащил два варёных яйца.

Ого! У Фу Куна глаза на лоб полезли. За ужином каждому полагалось по яйцу, но раз сегодня он остался без еды, матушка отдала его порцию Фу Ицзэ. И этот сорванец принёс их собаке?!

Фу Кун понятия не имел, какими хитростями Фу Ицзэ умудрился не съесть яйцо, да еще и протащить его в одежде, но раз уж он его сэкономил, мог бы хоть одно отдать ему!

А он всё отдал псине!

Если бы не эта собака поблизости, Фу Кун в тот же миг выскочил бы из укрытия и потребола ответа с Фу Ицзэ.

— Вкусно? — Фу Ицзэ раскрошил яйцо на земле и, дождавшись, пока собака всё съест, поднялся на ноги. — Я пошёл, ты тут далеко не бегай.

Фу Кун медленно отступил назад. Значит, Фу Ицзэ собрался завести здесь собаку?

Рассказать матушке?

Матушка точно не разрешит держать дома пса. И дело даже не в том, что Фу Кун боялся собак — когда он сам просил завести кролика, матушка тоже отказала, заявив: себя-то прокормить не можешь, каких еще животных заводить!

Хотя Фу Кун всё еще не понимал, каким макаром родители ухитрились притащить домой и приютить Фу Ицзэ, если даже на животных у них не хватало средств, сейчас это было неважно. Важно то, что Фу Ицзэ втайне завел собаку!

И что ему теперь делать?

Фу Кун медленно поплёлся вверх. Добравшись до третьего этажа, он принял окончательное

решение: об этом матушке он не расскажет.

Как настоящий мужчина... он не хотел расстраивать Фу Ицзэ и в то же время не желал ставить матушку в неловкое положение.

Значит, придется молчать!

Перед сном Фу Кун несколько раз собирался расспросить Фу Ицзэ про ту собаку по кличке Дюсю, но каждый раз передумывал. А ну как он начнет выпрашивать разрешения притащить дворнягу домой? Тогда Фу Кун просто не знал бы, как поступить.

К тому же ощущение в желудке, словно его выбелили хлоркой, заставляло думать исключительно о еде, так что на раздумья сил не оставалось.

— Братик, — тихо позвал Фу Ицзэ, теребя край его трусов и слегка подталкивая.

— Чего? — отозвался Фу Кун, но в этот момент в животе у него громко заурчало, так что его ответ едва не потонул в этом звуке.

— Ты есть хочешь? — спросил Фу Ицзэ.

— Смешной вопрос, после двух пропущенных ужинов разве можно не хотеть? Ты что, это урчание не слышишь? — Фу Кун едва не выпалил: ты бы лучше мне яйцо оставил, чем теперь вопросы задавать! Но, вспомнив причину своего голодного дня, сдержался, тяжело вздохнул и буркнул: — Спи давай, не приставай ко мне с разговорами. Засну — и есть расхочется.

— На, — Фу Ицзэ неожиданно тронул его за руку и сунул в ладонь яйцо.

Фу Кун изумленно замер, долго разглядывал яйцо перед самыми глазами, а убедившись, что это и правда яйцо, повернулся и в упор посмотрел на Фу Ицзэ:

— Откуда?

— Из кухни принёс, — ответил тот.

— Из кухни? — Фу Кун опешил. У них дома покупные яйца хранились в комнате: сколько нужно сварить, столько и брали, держать их на кухне было не принято. Он резко сел на постели и понизил голос: — Товарищ Фу Ицзэ, в каком именно месте на кухне ты взял яйцо?

— Из кастрюли.

Голос Фу Ицзэ звучал совершенно невозмутимо.

— Ты что, спёр... — Фу Кун едва не прикусил язык. Хотя с детства он был тем еще проказником, воровством он отродясь не занимался.

Фу Ицзэ ничего не ответил, да и Фу Кун умолк на полуслове. Он и так был голоден, а теперь, когда в руке оказалось яйцо, живот снова заурчал от острого приступа голода.

— Ладно, — Фу Кун слегка постучал скорлупой о край кровати. — Ты помнишь, на какой плите стояла кастрюля?

— На подставке рядом со столом, — тихо ответил Фу Ицзэ.

— Ага, — Фу Кун откусил кусок яйца. — Наверное, это тетушки Лю, завтра я пойду ей всё объясню.

— Разве не ваша кастрюля? — переспросил Фу Ицзэ.

— В смысле не наша — наша общая, — Фу Кун проглотил оставшуюся часть яйца целиком. — Ицзэ, послушай-ка сюда, ты, должно быть, не до конца понимаешь. Кухня-то у нас общая. Там не только наши продукты хранятся, но и соседей, и яйца варят не только в нашей семье, но и в других. Понял? Это яйцо не наше.

— Угу.

— Спи давай, а то поел, а всё равно сосет, — Фу Кун погладил живот и легонько щелкнул Фу Ицзэ по носу. — И всё же спасибо, что додумался спрятать для меня еду.

Фу Ицзэ ничего не ответил и закрыл глаза.

Прятать еду вошло у него в привычку. Конечно, он знал, что на кухне хранятся припасы не только их семьи, но особо не раздумывал: видит съестное, никого вокруг нет — значит, можно взять немного и спрятать на чёрный день, чтобы утолить голод, когда припрёт. Он никогда не задумывался, можно ли считать это воровством.

Изначально он хотел приберечь яйцо для себя — ведь дома, несмотря на то что каждый раз он наедался досыта, хотелось чего-то большего. Но Фу Кунь был голоден, а он хорошо знал, что такое чувство голода.

Он никогда прежде ни с кем не делился, это был первый раз, просто потому что Фу Кунь относился к нему по-доброму. Правда, в чём именно заключалась эта доброта, он не мог объяснить.

На следующее утро, собираясь в школу, Фу Кунь повёл Фу Ицзэ на улицу. У ворот, дожидаясь Сунь Вэя, они столкнулись с тётей Лю, которая шла за продуктами.

— Тётя Лю, вы ведь вчера яйца варили? — спросил Фу Кунь. На самом деле ему не очень-то хотелось с ней разговаривать: тётя Лю была женщиной сварливой, вечно с недовольным лицом, из тех, кто любит скандалить на пустом месте.

— Варила, а что? — она окинула его неприязненным взглядом и, не дожидаясь ответа, вдруг взвизгнула: — Это ты украл моё яйцо?! Я вчера десять штук сварила, утром пересчитала — только девять! Ещё удивлялась, кто это мог стащить!

— Мой младший брат не знал, что это не у нас дома, и взял... — Фу Кунь не успел договорить, как тётя Лю его перебила.

— Ой, так это твой братец?! Ой-ёй, и не скажешь ведь... — она повысила голос так, что почти перешла на крик. — Такой маленький, а уже воровать научился!

Фу Кунь нахмурился, глядя на Фу Ицзэ, который спрятался у него за спиной, выставив лишь один глаз. Он пожалел, что сразу не сказал, будто взял сам.

— Тётя Лю, простите. Брат правда не хотел ничего плохого. Мама вернётся, и мы вернём вам яйцо, — Фу Кунь потянул Фу Ицзэ за собой.

— Не надо, оставьте яйцо своей матери! — тётя Лю скривила губы и, развернувшись, направилась обратно в дом. — Ох, и жалко же вашу мать: сама родить не смогла, вот и подобрала кого-то на стороне, ещё и воришку... Впрочем, от своих детей всё равно толку мало...

— Что вы сказали?! — Фу Кунь не до конца понял скрытый смысл этих слов, но по тону догадался: ничего хорошего она не имела в виду. Он мгновенно вспыхнул, бросил велосипед на землю и, подскочив, схватил тётю Лю за руку.

— Ты чего?! — она с силой оттолкнула его и сплюнула на землю. — А что я сказала — у матери своей спроси! Сама родить не может, а всё туда же!

— Пошла ты к чёрту, — процедил сквозь зубы Фу Кунь.

— Ишь, какой сынок растёт! Своя кровь — дрянь, а приёмный — вор! Твоя мать, поди, и сама...

Фу Кунь никогда не был паинькой или прилежным учеником, но тётя Лю никак не ожидала, что он, опустив голову, с разбегу врежется в неё. Он ударил её головой прямо в живот, та отлетела назад и рухнула на землю, а корзина с продуктами отлетела далеко в сторону. Она лежала, не в силах вымолвить ни слова, а соседи, привлечённые шумом ссоры, замерли в изумлении.

— Ещё раз вякнешь — прибью! — Фу Кунь указал на неё пальцем.

Обычно он не ругался, потому что матушка в таких случаях заклеивала ему рот пластырем минимум на полчаса, но сейчас он просто не мог сдержаться.

— Давай, прибей! Ну! Ой, посмотрите на этого сыночка из семьи Фу, какой приткий! Я же говорила, что в их доме ничего хорошего не вырастет! — тётя Лю не стала подниматься, а прямо сидя на земле, принялась голосить: — Такой маленький, а уже драться лезет, дальше —

больше, небось, за убийство возьмётся!

— Хорошо, — кивнул Фу Кунь и, рванувшись к ней, занёс ногу.

Но удар пришёлся в пустоту — подоспевший дядя Ся сзади подхватил его под мышки.

— Куньцзы, ты что творишь?!

— Пустите меня! Она мою маму оскорбила! Моего брата! — Фу Кунь яростно дёргался и лягался, впившись взглядом в тётю Лю. Гнев затмил всё. — Сварливая баба, ко всем цепляется, не зря твой муж от тебя сбежал! Так тебе и надо!

Муж тёти Лю ушёл от неё из-за невыносимого характера, и все в общегитии знали об этом, но вслух старались не вспоминать. Матушка даже запрещала Фу Куню лезть не в своё дело, но сейчас ярость ударила в голову, и язык перестал слушаться.

Эти слова взорвали тётю Лю. Она подскочила и с криками бросилась на Фу Куня, соседи едва успели её перехватить, удерживая кто за руки, кто за одежду.

— Щенок! Если духу хватит, повтори ещё раз, я с тебя шкуру спущу!

— А вот и повторю! Раз такая смелая, верни своего мужа! Я... — дядя Ся зажал Фу Куню рот рукой, и дальнейшие слова превратились в невнятное мычание.

Всё вокруг превратилось в хаос. Фу Ицзэ в испуге сжался в сторонке. В приюте за найденную еду обычно ставили в угол и отчитывали, но он никак не мог понять: как простая кража яйца из кухни превратилась в такой кошмар? Глядя на налитые кровью глаза Фу Куня, он застыл на месте, не смея пошевелиться.

Тётя Лю была крупной женщиной, и от ярости на Фу Куня она рвалась вперёд, чтобы отвесить ему пару пощёчин — лишь несколько мужчин смогли удержать её на расстоянии. Дядя Ся крепко держал Фу Куня, не отпуская ни на секунду. В обычное время Фу Кунь казался вполне нормальным парнем, даже вежливым с соседями, но все знали, что этот малый с детства дерзкий, и если его не приструнить, кто знает, что он может натворить.

В самый разгар потасовки, когда одни бранились, а другие пытались разнять, кто-то вызвал Сяо Шучинь, которая как раз собиралась на работу.

Увидев матушку, Фу Кунь почувствовал, как к горлу подкатил ком, а глаза защипало от слёз. Он не любил плакать, но сейчас чувствовал себя как зверёныш, которого обидели и который нашёл защиту у матери.

— Сяо Шучинь! Если ты сегодня же не уладишь это дело, я с твоей семьёй церемониться не стану! — ткнула пальцем в её сторону тётя Лю.

Матушка проигнорировала её и, отстранив дядю Ся, потянула сына за собой.

— Говори, что случилось.

Фу Кунь рассказал всё, опустив голову, чтобы матушка не видела слёз.

— Сестра Лю, это вина моего Куньцзы и Ицзэ, я возьму вам яйцо, — матушка подошла к тётю Лю, а затем повернулась к сыновьям и поманила их рукой. — Идите сюда, извинитесь перед тётю Лю.



— Извинения? Только извинениями всё кончится?! — тётя Лю снова плюнула на землю. — Твой драгоценный сынок драться лезет, ты знаешь?! И меня сварливой бабой обозвал! И думаешь, извинениями всё уладишь?

— Ты первая начала оскорблять мою маму! И брата! — Фу Кунь, который уже был готов послушаться матушку, снова взорвался.

— Замолчи! — матушка обернулась и сверкнула глазами.

— Да ладно вам, сестра Лю, Куньцзы ведь всего десять лет... — заступились соседи. — Столько лет бок о бок живём...

— Ну и что, что десять! В шесть лет уже воровать научился! — вопила тётя Лю, никого не слушая.

— Так чего же ты хочешь?! — матушка вдруг повысила голос так, что все вздрогнули. — Ребёнка я усыновила, когда сама родить не могла! И что с того! Он в других семьях не жил, не знал, что брат чужое яйцо нельзя! Не удерживайте её! Отпустите! Посмотрим, чего она хочет! Смеет ли она чего-то требовать!

Тётя Лю опешила от такого напора, приоткрыла рот и замолчала.

Матушка обернулась и притянула к себе Фу Ицзэ:

— Ну! Говори, чего тебе надо! Извинений не хочешь? Чего ты хочешь? Это мой родной сын! Попробуй тронь его хоть пальцем! Запомни, если кто посмеет тронуть моего ребёнка, я сама стану в сто раз хуже сварливой бабы!

— И это ты, председатель профсоюза! — взвизгнула тётя Лю.

— Ну и что, что председатель профсоюза! Председатель профсоюза что, перестаёт быть матерью?! — Сяо Шучинь крикнула ещё громче.

Тётя Лю, похоже, и сама не знала, чего хочет, да и не ожидала, что всегда улыбчивая Сяо Шучинь способна на такое. Она замерла, и соседи, воспользовавшись моментом, поспешили увести её домой.

Когда брань тёти Лю стихла вдали, матушка закрыла глаза, выдохнула и, присев перед Фу Ицзэ, обняла его:

— Ицзэ, брат чужие вещи без спроса нельзя, понял?

Фу Ицзэ кивнул — эта ссора до смерти его перепугала.

— И не смей ругаться, как брат. Ругаться нехорошо, драться — тоже. В конце концов, тётя Лю старше, — сказала матушка, бросив взгляд на Фу Куня.

Тот опустил голову и тихо буркнул:

— Понял.

— Неважно, что говорят другие, ты — мой сын. Родной, такой же, как твой брат, запомнил? — матушка погладила его по голове.

Фу Ицзэ поднял на неё глаза и снова кивнул.

— Всё, идите в школу, вечером я отведу вас к тёте Лю, ещё раз извинитесь. В конце концов, мы первые взяли яйцо, да и брат в драку полез, — матушка встала, взглянула на часы и махнула рукой Фу Куню. — Ступайте.

— Угу, идём, — Фу Кунь поднял велосипед. Сунь Вэя нигде не было видно, этот парень, наверное, опять проспал. — Матушка, до свидания.

Фу Ицзэ обернулся, хотел сказать до свидания тёте Сюй, но слова застряли в горле. Молча он повернулся и, ухватившись за край одежды Фу Куня, поплёлся за ним по улице.

В конечном итоге всё разрешилось тем, что матушка взяла десяток яиц и отвела их к тёте Лю, чтобы они принесли свои извинения.

Фу Кунь был не согласен. Он не понимал, зачем нужно извиняться, если тётя Лю из-за одного яйца наговорила столько гадостей.

— Извиниться нужно, раз виноваты — извиняйтесь, — матушка стояла посреди комнаты, уперев руки в бока. — Свою часть мы выполнили: возместили ущерб и извинились. Если она после этого будет продолжать трепать языком, вот тогда мы сможем с чистой совестью закатить настоящий скандал!

— Кривая логика, — заметил батюшка.

— Самая что ни на есть прямая, — матушка искоса взглянула на него. — Если ты, как обычно, ворвешься к ним драться, даже если ты прав, в глазах людей виноватым останешься ты.

<http://bllate.org/book/21935/2278931>